

"Анна Каренина" Анжелики Холиной: Новая поэтика классического произведения.
Кандидат искусствоведения, проректор по воспитательной работе Белорусского государственного университета культуры и искусств

Роман Льва Толстого «Анна Каренина», пожалуй, одно из самых растиражированных произведений в современном искусстве, которое давно перестало быть исключительно литературным. К нему неоднократно обращались драматические режиссеры, кинематографисты (известно более 30 экранизаций), а со второй половины XX века еще и балетмейстеры. Даже за последнее десятилетие появилось несколько вариантов балетов по мотивам этого романа, например, в постановках Джона Ноймайера, Кристиана Шпука, Тита Каска или Алексея Ратманского. Примечательно, что Минск в ноябре 2019 года за одну неделю увидел сразу три разные балетные постановки «Анны Карениной» – премьерную в Большом театре Беларуси (балетмейстер-постановщик – Ольга Костель), от музыкального театра Карелии (балетмейстер-постановщик – Кирилл Симонов) и от Анжелики Холиной в исполнении актеров театра им. Евгения Вахтангова.

О причинах такой небывалой популярности именно этого романа можно только догадываться, но в целом, интерес к невербальной трактовке произведения вполне закономерен. Лишить драматический театр словесной формы выражения хотели театральные деятели на протяжении всего XX века. Рубеж XIX-XX веков характеризовался напряженным духовным поиском в обществе и будучи переломным моментом эпохи, активизировал интерес творцов и публики к новому виду театра. Возникло недоверие к слову, признавалась его ограниченность, приземленность и даже лживость. При условии изъятия из драматического спектакля его главного средства выразительности слова, на смену экспериментаторы XX века предложили эквивалент – пластику актера, которая стала определяющим компонентом в определении стилистики спектакля. Театр, использующий ее в качестве основного изобразительного средства, уже во второй половине столетия получил название «пластический театр».

Последнее десятилетие XX – первые десятилетия XXI вв. вновь становятся переломным периодом в культуре и искусстве. Режиссеры-постановщики драматических театров начинают все чаще обращаться к помощи балетмейстеров, как столетие назад заменяя слово выразительным потенциалом пластики и хореографической лексики, несущих информацию в более закодированном, но, в то же время, и в более доступном виде. Это обусловлено тем, что каждое движение актера приобретает новый особый смысл, но при этом позволяет создавать произведения, понятные любому зрителю и расширяющие границы карты гастролей.

«Анна Каренина» Анжелики Холиной заявлена как пластический спектакль, в котором режиссер в качестве средств выразительности использует драматическое, музыкальное, изобразительное искусство, акробатику, пантомиму, пластику актера и главный компонент – хореографию. Актерской пластикой наделен каждый персонаж представленного спектакля, кроме Анны, чья роль особенная не только по смысловому и драматическому наполнению, но и сам «текст» ее героини отличается. Она единственная, кому режиссер доверила танцевать. Наличие хореографического текста главной героини позволяет говорить о том, что спектакль представляется «хореографически-актерским синтезом», что является ключевой характеристикой хореопластического спектакля и объясняет расширенную палитру выразительных средств, к которым обращается постановщик.

Уникальность произведения Анжелики Холиной в том, что хореопластика актерского состава обрамляет конфликт супругов Карениных, выраженный в акценте на танец у Анны и нарочитой «нетанцевальности» Алексея Александровича. Таким образом, через конфликт движений двух давно не понимающих друг друга людей самым очевидным образом презентуется противостояние, из-за которого так сильно переживает Анна. Принимая ее позицию, Каренин физически пробует измениться, пытается сгладить угловатую физику своих движений, но его усилий хватает ровно до каждого ответного движения супруги. В некоторых публикациях в СМИ к этому спектаклю транслировалась мысль о том, что Каренин излишне хмур и суров. Но, на мой взгляд, она несправедлива, так как Каренин изначально представлен одиночкой. Если в романе Л. Толстого у него появляется единомышленница в лице графини Лидии Ивановны, то в трактовке А. Холиной, он находится наедине со своими мыслями. Погруженный в них, по-своему, по-мужски переживает трагедию собственной жизни.

Сцена «дележки» сына Сережи, которого буквально тянут в разные стороны, еще больше очерчивает все акценты в жизни и образе Каренина. Это очень четко выстроено мезансценически – Анна, Каренин и Сережа располагаются с центре, создавая иллюзию дружной семьи. Однако между ними очень быстро происходит очередная ссора, в ходе которой каждый тянет сына к себе, держа его за руки. Так они визуальнo выстраиваются в диагональ – дальний левый слабоосвещенный угол, в котором оказывается Анна, Сережа в центре, по-прежнему, олицетворяя то единственное, что еще связывает между собой Карениных, и Алексей, стремящийся к авансцене, вперед, к новой жизни. Он не ставит жену под обличающий свет софитов, а сам становится под них, тем самым демонстрируя, что у него, обманутого мужа, тоже есть душа, которая страдает, и глубоко ранимое сердце, которое болит. Такое расположение героев (диагональ левый дальний – правый передний угол) прочитывается как антидвижение и подчеркивает тупиковость ситуации. Позитивный исход, о котором мечтает Каренин, невозможен. Ему остается только быть сильным, выдерживая удары судьбы. Эту силу автор и передала скупыми, в некоторой степени, механическими движениями мужчины.

Колористическая триада (черный, белый, красный цвет), которая доминирует на сцене – первая в культуре и истории искусства трехцветная система. Английский и американский этнограф, социолог и фольклорист В. Тернер назвал ее не только архетипом человека, но и архетипом всего человеческого общества. Таким классическим ходом автор обозначает позиции персонажей спектакля и располагает к себе аудиторию, рассказывая сложную, глубокую историю простыми, но емкими, хорошо читаемыми образами и визуальным рядом, доступным каждому зрителю. Некоторые сцены впечатляют богатством режиссерско-хореографической мысли: драматургической, мизансценической и пластической. Ансамблевые конструкции настолько хорошо проработаны, что создается впечатление, что являются самостоятельным произведением, а где-то ассоциируются со сценическими решениями оперных постановок.

Обращение к музыке А. Шнитке – очень смелый шаг. Большинство, кто поверхностно знаком с творчеством этого композитора, уверены, что его музыка представляет собой бесчисленные отрывки отдельных звуков, шумов и мелодических фраз, которые больше напоминают настройку радиоприемника, нежели законченную музыкальную композицию. Поэтому заявленный в афише А. Шнитке мог отпугнуть потенциального зрителя. Однако в ситуации с «Анной Карениной» хореопластический текст удачно вплетается в музыкальную

канву. Это оправдано тем, что эта музыка однажды уже была апробирована на зрительской аудитории, так как была написана для спектакля Ю. Любимова «Ревизская сказка» (по Гоголю), поставленного в 1978 году в Театре на Таганге.

Финал спектакля эмоционально не имеет ничего общего с реальностью Л. Толстого. Похожесть двух произведений в том, что самоубийство Анны не было чем-то фееричным, а скорее наоборот, очень тихим и едва ли заметным. Но если в книге эта кульминация не оправдывает ожиданий эмоционально накрученного до предела читателя, то у А. Холиной финал с эффектом разорвавшейся бомбы. Анна уходит вглубь сцены, а из кулис начинают вылетать стулья и ударяться друг о друга. Создаваемый ими грохот как озвучка той бесконечной какофонии осуждающих мыслей, которые преследуют героиню на протяжении всей ее истории. Следом выходят участники истории и смыкаются плотной толпой за спиной Анны. На сцене они только создают ритмичный стук колес поезда, ударяя ножками стульев о планшет сцены, и этот стук оказывается гораздо сильнее, чем иллюзия самого поезда. Так автор, наконец, позволяет всем «высказаться». Этот финал отвечает идее автора о том, что в качестве поезда выступает общество, которое проносится через всю жизнь Анны.

Однако можно порассуждать о том, что не общество уничтожило Анну (тогда конфликт был бы внешний и проигрывался ярче, в постановке же, внутренние переживания героини гораздо сильнее). Звук поезда, создаваемый скользящими по полу стульями, скорее, рой собственных бесконечных мыслей, и Анна остается с ними один на один в толпе чужих для нее людей.

В целом, этот очередной театральный эксперимент с «Анной Карениной» режиссеру Анжелике Холиной удался на славу – тонко прописанные образы, прекрасная актерская игра и акценты, смещенные со слова на движение, безусловно, обогатили спектакль. Отраднo, что при новом взгляде на хорошо известное классическое произведение, не искажен толстовский текст, а зрителю предоставлена возможность искать в новом собственные смыслы.